

Прошло много времени, прежде чем отец Эммы успокоился. Поскольку святая ушла, мы с Летто рассказали ему о тяжелом положении его дочери. С каждым словом отец Эммы все сильнее поникал от бессилия. У него было столь разбитое выражение лица, что мне было невыносимо на него смотреть. В конце концов, нам с Летто пришлось избегать его взгляда. Он просто безучастно смотрел в пол. Мужчина даже не мог войти в отделение интенсивной терапии. Это было связано с гигиеническими проблемами. Простолюдины не могли содержать себя в такой же чистоте как аристократы. Мытье было довольно затратным делом. А с грязным телом нельзя было попасть в отделение. Поэтому он даже не мог увидеть лицо дочери. Я лишь надеялся, что его утешит тот факт, что старшие священники относятся к ней со всей душой. Обычные простолюдины же вряд ли бы вообще их увидели. Отец Эммы не мог расстаться со своей последней надеждой, поскольку видел в них воплощение Небесного Бога Аруса. Все это стало возможным благодаря тому, что Эмма поступила в академию.

Менее чем через сутки почтовая служба прислала известие о том, что Эмма находится в критическом состоянии, и отец девушки смог сразу же отправиться в академию через дорогие ворота перемещения. Но это было единственное, что могла предложить академия. Вопрос жизни и смерти мог решать только Небесный Бог.

Отец Эммы, словно оплакивая, пересказывал свои воспоминания о дочери. Это было все, что он мог сделать.

— Эмма, она с детства была другой... Она не была похожа на такого глупого парня, как я. Вот почему она смогла поступить в академию. Я и Летто не могли ничего сказать в ответ. Я чувствовал себя грешником. Как сказала Святая, никто не может быть виноват, но вина, которую чувствуют вовлеченные стороны, — это отдельный вопрос. По крайней мере, я чувствовал себя ответственным за травму Эммы. Неудивительно. Я был единственным, кто мог остановить ее. Отец Эммы продолжал сетовать.

— Когда она была маленькой, она потеряла свою мать из-за волка, когда ходила со мной за травами. Тем не менее она была очень смышленной и вежливой, не похожей на ребенка, выросшего без матери. Более того, она так хорошо запоминала свойства трав... Я попросил на всякий случай научиться писать, и она запомнила все в мгновение ока.

— Она замечательная дочь. — Сказал Летто, возможно, решив, что тягостное молчание невыносимо. Это были слова сочувствия, которые мог бы сказать каждый, но глаза крестьянина покраснели. Он энергично закивал.

— Да, конечно. Она замечательная дочь. С тех пор я не останавливаюсь ни перед чем, чтобы оплатить ее книги. Это было трудно, но, видя, как она читает такие сложные книги... я не мог не гордиться. А однажды она сдала вступительный экзамен в академию.

В конце концов, крестьянин всхлипнул и разрыдался. Хотя он был человеком, который прошел через все трудности жизни, он мог только плакать как ребенок перед любимой дочерью, которая находится между жизнью и смертью. Крик, который невозможно было сдержать, раздался изнутри как стон. Моя голова, естественно, опустилась. Я держал в руках зелье. Последнее наследие Эммы. Должно быть, оно было сделано для ее отца. Я не мог отделаться от

ощущения долгого, твердого прикосновения, прижатого к моей ладони.

— Мне бы лучше... Если бы я знал, что так случится, я бы предпочел вырастить из нее хорошего травника. Я был плохим отцом, я был жадным...

— Отец. — Я тихонько позвал его и полные слез глаза обратились ко мне. Не говоря ни слова, я вложил зелье, которое держал в руках, в его шершавую ладонь. Не хотел этого говорить, но так как считал это своим долгом, мне удалось наконец рассказать ему о последних минутах его дочери.

— Эмма вчера хвасталась мне. Она разработала зелье, способное скрывать следы человека... Я не знаю, по какому принципу оно действует, но создание нового зелья — большое достижение для алхимика. Травник, не говоря ни слова, посмотрел на зелье в руках. Как будто он мог видеть, насколько эта крошечная бутылочка была воплощением преданности и усилий Эммы на протяжении многих лет. Я передал ему последние слова Эммы. Надеюсь, что они не станут ее последним подарком отцу.

— Это зелье убережет многих знахарей и охотников от смерти и увечий... Пожалуйста, отец, возьми его. — В глазах крестьянина снова заблестели слезы и в какой-то момент они пролились. Он покачал головой и оттолкнул зелье. Видя мою панику, сказал:

— Мой господин, пожалуйста, сохраните его... Жизнь больше не важна мне. — Как ты можешь такое говорить! Однако, как только я собрался сказать это — увидел эти глаза. Они поразили меня. Он говорил буквально. Боль и отчаяние поселились в них, делая их похожими на разбитые осколки стекла.

— Уважаемый господин, пожалуйста, заберите его. Эмма, пожалуйста, помните о моей дочери...—ведь этот бедняга никогда не забудет свою дочь. Шмыг... Рывания мужчины, вновь вырвавшиеся наружу, продолжались долгое время. Пока он не потерял сознание, рухнув на пол, а затем его отнесли в его жилье. Я ошеломленно положил зелье обратно в карман. Кружилась голова. Казалось, что у меня в груди комок. — Иан, давай вернемся. — Сказал после долгого молчания друг, но ответа не последовало, не получалось сказать и слова. — Сколько часов ты будешь продолжать в том же духе? Это не поможет ей прийти в себя. Давай вернемся, поедим и отдохнем. Нам все равно придется жить дальше без нее. И Селин, наверное, тоже волнуется. — Однако я не обратил внимания на то, что он говорил и продолжал думать о письме.

Письмо, которое я небрежно скомкал и выбросил. Словно удар молнии, в голове возникла идея. Только после этого из моего закрытого рта вырвался невнятный возглас.